

Юная Дарина похищена разбойниками. По дороге к невольничьему рынку ей удастся бежать вместе с молодым послушником Антоном, благочестивым братом коварного боярина Карпа. Предательская стрела обрывает жизнь Антона, а Дарина попадает в руки Карпа, который силой берет ее в жены. Через год Карп, заключивший союз с монголами, погибает в бою с княжескими ратниками. Дарине предстоит долгая и трудная борьба, но молодая женщина не теряет надежды на долгожданную встречу с любовью. И в этом ей помогает старинный перстень, который принадлежал женщинам, видевшим гибель и возрождение Константинополя и Киева.

— Возьми кольцо, милая, — настойчиво повторила Елена и вложила его в ладонь крестницы. — Не могу себе простить, что вовремя не отдала этот оберег сыну. Может, тогда Михаил остался бы жив... Теперь, кроме вас с Даринкой, у меня никого нет... Возьми кольцо и держи все время при себе. Оно будет давать тебе надежду, как давало мне. А потом перейдет по наследству Даринке. — Больная хрипло перевела дыхание, и ее утасоющий голос долетел теперь словно издалека: — Все разрушится и все восстановится, и еще не раз... Помни это и крепись...

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 1256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5392-6

9 786171 1253926

Александра Девиль

Перстень Дарины

Александра Девиль
Перстень Дарины

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Александра Девиль

ПЕРСТЕНЬ ДАРИНЫ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Д26

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайн обложки агентства «ТИМ+»

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-5392-6

- © С. Кравченко, наследник, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Пролог

Декабрь 1240 года

Ранний зимний вечер окутал землю тревожной пеленой. Лишь на короткие мгновения призрачное полукружие луны проблескивало из-за рваных облаков, скупо освещая белые искристые поля. Среди полей темнели хижини маленького селения, что приютилось на восемьдесят верст к западу от Киева, возле городка Здвижень. В оконце самой большой из хижин мерцал свет, будто слабый маячок посреди бескрайнего снежного моря.

Две женщины, греясь у очага, вели разговор вполголоса, почти шепотом, чтобы не разбудить младенца, беспокойно спавшего в переносной колыбельке. Одна из них, юная и красивая боярыня Ольга, была матерью трехмесячной Даринки. Другая, пятидесятидвухлетняя Елена, приходилась Ольге крестной матерью. Этих знатных и еще совсем недавно благополучных киевлянок занесло в крестьянскую глушь великое бедствие Руси, которое страшным черным крылом ударило и по их судьбам.

В испуганных глазах Ольги застыли слезы. Перед ее мысленным взором все еще металась отсветы далекого пожара, в ушах отдавались дикие крики ордынцев, ржание коней, рев верблюдов, скрип телег. Татаро-монгольские хищники, налетевшие на стольный град русичей, казались Ольге посланцами сатаны, что предвещали конец света.

За несколько часов до осады Киева муж Ольги, боярин Леонтий Колыванович, успел удалить из города жену и крошечную дочь, а вместе с ними — Елену и четверых слуг для

охраны. И Леонтий, и отец Ольги, боярин Прохор, знали от гонца о приближении монголов, но скрыли это от Ольги, чтобы она не отказалась покинуть Киев, а сами решили остаться и защищать столицу вместе с другими воинами. Князь Даниил Романович Галицкий, к землям которого в то время уже был присоединен Киев, поставил в столице своего воеводу Дмитрия, и тот возглавил оборону. Киевляне, зная о жестокой судьбе завоеванных ранее Чернигова и Переяславля, готовились сопротивляться отчаянно, до конца.

Уже когда Ольга с Еленой были за несколько верст от Киева, до них донеслись грозные звуки осады. Монголы под предводительством хана Батыя приступили со стороны Днепра и расставили вокруг города тараны для разбивания стен.

Испуганные женщины удалялись от обреченной столицы на юго-запад, чтобы остановиться в одном из сел, принадлежавших боярину Леонтию. К ночи добрались они до этого сельца, а утром хотели двигаться дальше, направляясь во владения Даниила Галицкого, у которого надеялись найти защиту, как велели им Леонтий и Прохор.

Но в дороге Елена заболела, у нее начался сильный жар, и путникам пришлось задержаться в селе. А через день сюда же прибыл раненый киевлянин, чудом спасшийся после невиданного разгрома, который монголы учинили в завоеванном городе. От его рассказа даже маленькая Дарина вздрагивала в своей колыбельке, словно понимала весь ужас происходящего.

Очевидец поведал о том, как монголы день и ночь беспрерывно били в стены, как затем эти стены обрушились и киевляне во главе с воеводой Дмитрием кинулись защищать пролом, как трескали копья и щиты, а свет померк от стрел. Последним оплотом киевлян стала Десятинная церковь, построенная еще при князе Владимире Святом. Но и этот великий храм не смог защитить русичей от бесчисленной дикой орды. Церковь рухнула, погребая под

развалинами тела защитников и нападавших. Батый предал город огню и разорению. Израненного Дмитрия монголы взяли в плен, но хан помиловал воеводу ради его храбрости. Что же случилось с другими уцелевшими защитниками города, рассказчик в точности не знал, но нетрудно было догадаться об их страшной участи: кровавые реки текли по улицам древней столицы. Гибель же боярина Леонтия Колывановича он видел собственными глазами и слышал о том, что Прохор, отец Ольги, вместе с сыном, Ольгиным братом, был в числе тех киевлян, которые пытались спастись на хорах Десятинной церкви и упокоились под ее развалинами.

Так в одночасье Ольга стала и сиротой, и вдовой, и беззащитной беглянкой. Отчаяние билось в ее больших синих глазах, голос дрожал от подступавших слез:

— Такого горя и разорения еще свет не видывал. За что Бог разгневался на нашу землю?.. Я бы уж кинулась в самое пекло, чтобы не жить после этой беды... но дочку жалко.

Крошечная Даринка всхлипывала во сне, словно ей передавались страдания матери. Елена, сдерживая надсадный кашель, чтобы не разбудить девочку, отворачивалась в сторону и прижимала ладони ко рту. Болезнь клочкотала у нее в груди, лихорадочным жаром светилась в глазах и красными пятнами горела на щеках. И все-таки умудренная годами женщина пыталась, как могла, утешить свою крестницу. Справившись с приступом кашля, Елена хриплым голосом произнесла:

— Ты еще слишком мало живешь на земле, Ольга, чтобы так говорить. Не надо думать, будто свет не видывал такого горя и разорения. Людям всегда кажется, что их судьба — особенная, не такая, как у всех, что их бедствия — небывалые, не виданные миром. А я тебе напомним мудрые слова: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто,

о чем говорят: “Смотри, вот это новое”, — но это было уже в веках, бывших прежде нас...» Так сказал Экклезиаст.

Ольга всегда почитала ум и познания своей крестной. Елена почти наизусть помнила книги Ветхого и Нового Завета и часто искала в них утешения. В ее роду было несколько служителей церкви; родной дядя Елены одно время возглавлял Черниговскую епархию. А единственный сын Елены, священник, отец Михаил, год назад погиб в Переяславле во время монгольского погрома. Елена родила его в юном возрасте, рано овдовела и больше не выходила замуж, жила при монастыре. Она дружила с Серафимой, матерью Ольги, хотя и была старше подруги на десять лет. Когда Серафима безвременно умерла, Елена стала по-матерински опекать четырнадцатилетнюю Ольгу. Через три года после смерти матери Ольга вышла замуж за боярина Леонтия Колывановича, но по-прежнему не забывала свою крестную.

Сейчас, когда все близкие погибли, а Елену сжигала лихорадка, Ольга чувствовала себя как пловец в бурном море, теряющий последнюю соломинку, за которую пытался ухватиться.

Между тем Елена, преодолевая собственную боль, старалась вдохнуть силы в слабеющую душу Ольги. Протянув руки к огню и зябко передергивая плечами, она смотрела на крестницу и продолжала говорить:

— Ты не одна сейчас в такой горести, многим пришлось и похуже. И многие так же страдали до тебя и будут страдать после... Но при тебе — твое дитя, которое ты должна защитить и вырастить. С Дариной ты не одинока. И у тебя еще осталось имение. Проси защиты у князя Даниила Галицкого или передай свое имение монастырю и сама перейди туда жить с Даринкой. Говорят, монголы не трогают монастырей и редко убивают священников. Хотя вот в Переяславле не пощадили даже епископа... А мой сын, на беду, как раз был там, держал совет с владыкой... — Елена за-

кашлялась, незаметно вытерла слезы и, переведя дыхание, тихо продолжила: — Ищи утешения у мудрых. Помни: все разрушится — и все восстановится, и еще не раз. Экклезиаст проповедовал: «Всеу свое время и время всякой вещи под небом... Время любить и время ненавидеть; время войне и время миру... Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей...»

— Не утешат меня эти проповеди, крестная, — прошептала Ольга, склонившись над детской колыбелькой. — Лучше бы Господь вовремя поразил злодеев своим карающим мечом... до того как они... — Плечи юной женщины задрожали от беззвучных рыданий.

И снова Елена ответила ей словами Экклезиаста:

— «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло».

Ольга повернула к Елене свое заплаканное лицо и медленно покачала головой:

— Нет, это не сыны человеческие. Те, кто напал на нашу землю, — нехристи, посланные сатаной, чтобы погубить Святую Русь. И как бы там ни учил твой проповедник, а не было еще такого бедствия нигде на свете, потому что, видно, это сам конец света и есть.

— О, не говори так, — внезапно окрепшим голосом произнесла Елена. — Это не конец света, а очередное тяжкое испытание. Я уже пережила одно такое, и его принесли православным не язычники-нехристи, а люди, которые воевали под сенью креста.

— Как это?.. Когда ты пережила такое? — У Ольги от удивления даже слезы высохли на глазах. — Почему ты мне раньше не рассказывала?

— Потому что всему свое время, дитя. Раньше не было надобности пугать тебя этим рассказом, а теперь он придаст тебе силы, чтобы ты знала, как все в мире повторяется. Сейчас гибнет наш стольный Киев, а тридцать пять лет

назад я видела, как погибал великий Царьград — самый пышный и богатый город мира.

— Расскажи, крестная... Выпей вот это и расскажи.

Ольга взяла с полки над очагом ковш, наполненный горячим отваром из лечебных трав с медом, и протянула его Елене. Больная жадно выпила, прокашлялась, потом несколько раз глубоко вздохнула и начала свой взволнованный, сбивчивый рассказ:

— Мне было шестнадцать лет, когда родители решили выдать меня замуж за богатого и знатного грека из Константинополя. Я никогда не видела моего будущего мужа, а он не видел меня, я знала о нем лишь то, что его зовут Фока и он старше меня на десять лет. Еще говорили, что он человек набожный и благочестивый. Последнее особенно нравилось моему дяде-епископу, который всегда был главным в нашей семье, где все его слушались. Моего согласия никто не спрашивал. Родители и дядя меня благословили и отправили со сватами, слугами и приданым в Константинополь. По дороге я плакала, но утешала себя мыслью о том, что своим замужеством делаю благое дело для родных и даже для Киева, укрепляя его связи с Царьградом. И, признаться, минутами я даже испытывала гордость, сравнивая себя с княжной Анной Ярославной, которая полтора века назад так же ехала из Киева в далекую страну, чтобы стать женой французского короля. А Константинополь ведь ближе к Киеву, чем Париж, и, стало быть, я смогу навещать родные места, думалось мне. Ни я, ни мои спутники не знали, что в то время, как мы приближались к византийской столице, ее уже начали осаждать войска крестоносцев.

— Это католики, паписты? — уточнила Ольга.

— Да. Они тогда собрались в крестовый поход, четвертый по счету. Будто бы освобождать от мусульман гроб Господень. На самом же деле их предводители думали прежде всего о наживе. Вначале они собирались плыть на венеци-

анских кораблях в Египет, но потом двинулись к Царьграду. Папа давно мечтал покорить православную столицу. Немецкие и французские короли тоже давно положили глаз на ее богатства. А уж алчные венецианские купцы и подавно. У венецианцев был дож — то есть князь — по имени Энрико Дандоло — древний старик, к тому же слепой, но воли и хитрости у него хватило бы на десятерых. Он-то и был главный подстрекатель похода на Константинополь.

— И как ты узнала обо всех этих людях и делах, да еще все так запомнила? — удивилась Ольга.

— Был один человек, который мне поведал многое... но об этом после, — вздохнула Елена. — Да и как было не запомнить, если все это я пережила, словно пропустила через себя... Да, так вот. В Константинополе перед тем император Исаак Ангел был свергнут и брошен в темницу вместе со своим сыном Алексеем. Власть захватил брат Исаака, тоже Алексей. Но сыну Исаака, молодому Алексею, удалось бежать, и он кинулся за помощью к крестоносцам, посулил им огромные деньги, чтобы помогли вернуть трон законным правителям. Так у латинян появился благовидный предлог напасть на Царьград. И вот все их воинство во главе с алчными вождями двинулось к богатейшему городу мира. Греки почти не строили кораблей, потому что надеялись на своих морских союзников — венецианцев, но те их предали, и теперь суда латинян без препятствий вошли в бухту Золотой Рог. А у греков давно уже не было согласия меж собой: сказывались двадцать лет непрерывных распрей. Да ведь и на Руси мы видим то же самое: княжеские междоусобицы делают страну легкой добычей врага... Ну так вот, греческое войско, хоть и было вдвое больше латинского, не смогло защитить Константинополь. К тому же Алексей Третий, который низложил законного императора, был нелюбим народом. В его войске хорошо воевали только наемные дружины варягов. Не справившись с ратными испытаниями,

Алексей Третий трусливо бежал из Константинополя. Крестоносцы объявили императором Алексеем Четвертым сына Исаака, чтобы он правил вместе с отцом и заплатил латинянам обещанную дань.

Эти события случились в августе, а я оказалась у царьградских стен в начале сентября...

— Значит, ты прибыла туда уже после штурма города? — спросила Ольга, слушавшая с напряженным интересом.

— Нет, все ужасы штурма были еще впереди, — вздохнула Елена. — Первый захват города был неполным и не сопровождался разгромом. Крестоносцы ждали, что коронованный ими Алексей соберет и уплатит обещанные деньги. И он старался как мог, даже расплавил драгоценную церковную утварь, но денег все равно не хватало. Греки роптали, в народе кипело недовольство, но Алексей Четвертый думал лишь о том, чтобы угодить латинянам. А они — и особенно хищный Энрико Дандоло — требовали от императора уплаты всей суммы. И тогда Алексей в сопровождении крестоносцев отправился собирать дань во Фракию и другие провинции. А крестоносцы обосновались в предместье византийской столицы, где и решили переждать до весны. Когда я прибыла в Константинополь и узнала, какая беда там приключилась, мною овладел такой страх, что захотелось тут же повернуть обратно. Однако сделать это было невозможно: слуги, что меня сопровождали, ни за что бы не согласились пуститься в обратный путь по земле, где разбойничали латиняне. И так уж было чудом, что нам удалось доплыть до бухты невредимыми. К счастью, в городе нас в тот же день встретили родственники моего жениха и привели меня в его дом. Взглянув на Фоку, я впала в еще большее уныние. Мало того что я очутилась в осажденном городе, так еще и жених мой оказался совсем не таким, как мечталось. Фока был ниже меня ростом, не по годам толст, а голос его звучал визгливо. Может, конечно, он и отличал-

ся благочестием, был богат и знатен, но полюбить его я не могла. Но кто спрашивал меня об этом? Мне ничего не оставалось, как обвенчаться с Фокой. Невеселое это было венчание, хоть и проходило оно в пышной царьградской церкви. А новые мучения для меня начались, когда настала ночь и мне пришлось лечь в постель с моим мужем. Матушка и другие женщины учили меня, что долг жены — честно исполнять свои супружеские повинности. И я, стиснув зубы, терпела близость Фоки. От него пахло чесноком, он сопел и потел, и с великими усилиями сделал меня женщиной. А я ведь до замужества не знала мужчин и думала, что так заведено в природе: мужчина получает удовольствие, а женщина терпит. Днем было легче: днем я учила греческий язык, привыкала к домашнему хозяйству, шила, читала молитвенные книги, ходила в храмы. Последнее мне нравилось больше всего, ведь по дороге в церковь я могла осматривать город, в котором было столько чудес, что и во сне не приснится. Меня обычно сопровождал или сам Фока, или, если он был занят, кто-нибудь из его родственников. Родители Фоки умерли, но с ним проживали его тетки, дядья и вдовая сестра с детьми. Еще у него были брат-монах и сестра-монахиня, они тоже часто к нам приходили. Не могу сказать, что его родственники меня обижали, однако среди них я чувствовала себя неуютно: все вроде бы ко мне присматривались, оценивали. Но это еще можно было терпеть ради того, чтобы они мне показали и рассказали что-то новое. А вот когда наступала ночь и я укладывалась в одну постель с Фокой, начиналось самое для меня мучительное и противное... Но не об этом речь. — Елена тяжело перевела дыхание. — Не об этом я хочу тебе рассказать. Это у каждой женщины случается по-разному и зависит от судьбы... Я ведь даже готова была смириться с немилым Фокой и ждала только появления на свет ребенка, которому могла бы отдать всю свою любовь. Но беременность все

не наступала, и месяца через три-четыре я уже начала тревожиться. Иногда мне чудилось, будто родственники мужа стали на меня косо поглядывать. Впоследствии я поняла, что им было вовсе не до меня; их, как и всех греков, особенно знатных, снедала тревога, ведь латиняне стояли в предместье Константинополя и все чаще совершали набеги на город. Царьградские богатства не давали им покоя. За много веков в византийской столице скопилось такое великолепие, которого во всех городах мира, вместе взятых, найти было невозможно.

— И ты все это видела, крестная? — затаив дыхание, спросила Ольга. — Наверное, там было очень красиво?

— Да, дитя мое! — воскликнула Елена, и глаза ее загорелись уже не только из-за лихорадки, но и от наплыва ярких воспоминаний. — В Константинополе было несколько величественных дворцов с мраморными колоннами, золотые и серебряные ворота, перед которыми стояли искусно отлитые статуи императоров и богов, а также львов и коней. А еще там было огромное императорское игрище, называемое ипподром. На нем проходили состязания колесниц. Вокруг ипподрома было множество ступеней, на которые греки садились, чтобы наблюдать за ристаниями. Императорскую ложу украшала бронзовая колесница с четверкой коней, а вокруг ипподрома располагались статуи людей, медведей, львов и быков. И на городских площадях тоже высились колонны и статуи. Еще в городе были красивые сады и рощи, а среди цветов — водометы, искусно украшенные.

— А разве бедных и убогих домишек там вовсе не было?

— Были, конечно. И улицы там на окраинах были такие узкие и грязные, что страшно ступить. Но в те кварталы муж меня не пускал. Это потом уж, волею случая, мне довелось там побывать... Но об этом — после. А пока расскажу тебе о дивных константинопольских храмах. Чаще всего мы ходили молиться в церковь Богородицы Фаросской — она бы-

ла близко от дома моего мужа. В этой церкви все блистало золотом и серебром, колонны были из яшмы, а пол — из белого мрамора. Еще там было много священных реликвий: куски креста Господня, кровь Его в хрустальном сосуде, венец с колючками из морского тростника. А еще и в этой церкви, и в других были искусно сделанные мозаики, которые так мерцали и переливались, будто изображения на них были живыми и от них исходил Дух Святой. Но сколь ни богаты были византийские церкви, а самой пышной и великолепной среди них была церковь Святой Софии.

— Святая София... как в Киеве, — встрепенулась Ольга.

— Да. Князь Ярослав Мудрый строил Софию Киевскую по образцу царьградской. А царьградскую в давние еще времена построил знаменитый император Юстиниан. Я входила в этот чудный храм — и у меня перехватывало дыхание от его сияющей красоты. И думалось: недаром послы Владимира Святого так пленились красотой греческого храма и обряда, что посоветовали князю выбрать именно православную веру. Один знаменитый грек говорил: «Святая София царит над городом, как корабль над волнами моря». Величие и красота ее купола изумляли снаружи, а уж какое великолепие было внутри! Через сорок окон в храм лился свет, в лучах которого блистали мозаики. А когда солнце заходило, церковь освещалась множеством серебряных паникадил, сделанных в форме деревьев и кораблей. Со всех сторон своды храма поддерживались арками и галереями с порфирными, мраморными и малахитовыми колоннами. Некоторые из этих колонн будто бы исцеляли от какой-нибудь болезни. Самой известной своими целительными свойствами считалась обитая медью колонна святого Георгия. Я видела, как иные мужчины и женщины целуют ее и трутся об нее плечами, грудью и другими частями тела, которые у них болели. Признаюсь, и я, когда стала бояться своего бесплодия, тайком прикасалась к этой колонне животом.

Я ведь тогда была неопытна и не догадывалась, что дело не в моем телесном изъяне, а в мужской слабости Фоки.

Меня воспитывали в строгом благочестии, и я не привыкла отвечать на мужские взгляды; ходила, опуская очи долу, хотя и знала, что красива. Но однажды неподалеку от церкви я почти лицом к лицу столкнулась с одним человеком. Это был красивый стройный юноша лет двадцати, одетый как латинянин. Не знаю, почему меня угораздило посмотреть на него в упор. Может, потому что я почувствовала его взгляд. У него были большие черные глаза, и они словно обожгли меня своим огнем. Я даже на мгновение приостановилась, но Фока тут же потянул меня за собой. А этот юноша усмехнулся и что-то сказал на одном из латинских языков, который я тогда еще не понимала. Мы с Фокой отошли на несколько шагов, когда у меня почему-то вдругхватило смелости оглянуться на молодого незнакомца. И тогда черноглазый юноша крикнул нам вслед уже по-гречески: «Обидно, что такая красавица досталась этому толстому каплану!» Я покраснела до корней волос, а Фока, разъярившись, стал что-то кричать, но насмешливый юноша уже исчез в толпе. Всю дорогу до дому мой муж сетовал на наглых латинян, которые хозяйничают в Константинополе, как у себя дома. Я молчала, но в моей душе вдруг заняла какая-то тонкая и печальная струна. Тогда, впервые в жизни, я усомнилась в святости того послушания, к которому приучили меня в родительском доме. Я поняла, что моя женская судьба могла бы сложиться иначе, во сто крат счастливее. Но от меня, увы, ничего не зависело...

Между тем было уже начало января, Святки, однако в городе не чувствовалось праздника. Алексей Четвертый старался угодить крестоносцам, собирал деньги для расплаты с ними. Народ стонал от поборов. А когда Алексей заявил, что собирается подчинить православную церковь Римскому Папе, тут уж восстали монахи и начался всеобщий

народный бунт. Люди огромными толпами собирались на площадях, требовали избрания нового императора. Вот тогда-то по-настоящему встревожилась греческая знать, которая боялась народного бунта не меньше, чем латинян. Помню, как метался в те дни мой Фока, причитая, что патрициям надо успокоить простой люд и непременно возглавить восстание. А в это время Исаак и Алексей обратились за помощью к крестоносцам. О том узнал и рассказал народу императорский советник Алексей Дука по прозвищу Мурчуфл, что означает «со сросшимися бровями». Алексей Четвертый был схвачен и казнен, а старый Исаак умер в тюрьме. Знать объединилась вокруг Мурчуфла и короновала его под именем Алексея Пятого. Фока приходился дальним родственником Мурчуфлу и очень старательно помогал ему стать басилевсом — то есть императором. После воцарения Мурчуфла мой муж, его дядья и брат редко бывали дома: все время пропадали в императорском дворце, держали там совет. Мурчуфл был ярким противником латинян и потребовал, чтобы они немедленно уезжали из Византии в Святую землю. Но те отказались. Была зима, в латинском лагере начинался голод, крестоносцы уже питались одной кониной и были очень злы на греков. Однажды ночью латинский отряд покинул лагерь и отправился за продовольствием. Мурчуфлу об этом донесли, и он решил разбить крестоносцев по частям. Он взял с собой большое войско, ратных командиров, а также советников, среди которых был и мой муж. Фока, заметно похудевший за эти тревожные дни, облачился в доспехи, прикрепил к поясу меч и попрощался со мной. Его голос слегка дрожал, и мне невольно стало жаль моего хоть и не милого, но и не злого супруга. Я его перекрестила и улыбнулась ему на прощание, но предчувствия у меня были самые плохие. Бедный Фока казался совсем никудышным воякой, и я не представляла, что будет с ним, если ему придется вступить в бой.

Но, впрочем, греческое войско намного превосходило числом латинское, да и напасть греки собирались неожиданно, так что Фока и другие советники облачались в доспехи просто для поднятия духа. Мы все верили, что императору и его приближенным даже не придется ступить на поле брани, что противников одолеют передовые отряды греческих воинов. Но, увы, случилось иначе... Латинские ратники доказали, что в ближнем конном бою им нет равных. Греки потерпели поражение, погибли десятки их знатных воинов, а раненый Мурчфул бежал в Константинополь, под защиту крепостных стен. Мой Фока тоже был ранен, и его привезли в дом чуть живого. В том сражении греки потеряли великую святыню — чудотворную икону Божьей Матери. Это подорвало их боевой дух. Латиняне же, напротив, воодушевились. Весь март они готовились к осаде, а жители Константинополя со страхом наблюдали из-за крепостных стен, как сооружаются осадные орудия: повозки, «кошки» для метания стрел и зажженных факелов, «свиньи» — передвижные башни, в которых осаждающие могли приблизиться к стенам города. Венецианцы прикрывали досками и виноградными лозами свои корабли, чтобы камнеметы не могли разнести их в щепы. Но и греки, конечно, укрепили город изнутри, надстроили над каменными башнями деревянные, прикрыли их прочными шкурами, установили множество камнеметов вдоль стен.

Весь март прошел в тревоге и ужасных волнениях. И нашей семье он принес потерю: Фока, так и не оправившись от ран, тяжело заболел, у него началась лихорадка, и вскоре он отдал Богу душу. На его похоронах я горько плакала, но не потому, что осталась вдовой, — нет, я, грешница, так и не полюбила Фоку. А плакала я от страха, потому что осталась одинокой в чужой стране, в осажденном городе, среди мужниной родни, которой в эти дни не было дела до меня. Будь я тогда смелей и старше, пошла бы, наверное, искать

встречи со своими земляками и постаралась бы вернуться на родину. Я ведь знала, что в предместье у монастыря Святого Маманта останавливаются торговые люди из Руси. Но разве могла я, благочестивая молодая вдова, помышлять о каких-то своевольных поступках? Я тогда боялась шагу ступить из дому — разве что в церковь.

А потом началось самое страшное... До сих пор не могу об этом вспоминать без ужаса. В апреле великий город содрогнулся от невиданного штурма. Латиняне успели засыпать рвы перед крепостными стенами и пошли на приступ. Вначале они атаквали только с кораблей, на которые установили осадные мостки и лестницы. Но греки хорошо подготовились и встретили латинские корабли греческим огнем и градом огромных камней. Первая атака крестоносцев была отбита. Греки ликовали, их победные крики были слышны по всему городу. Мурчуфл приказал трубить в трубы и бить в барабаны. Шум стоял оглушительный. Но, увы, недолго длилась эта радость от победы. Священники-паписты стали подстрекать рыцарей, обещали им отпущение грехов, если те захватят православную столицу. Через два дня латиняне снова пошли на приступ. Они выстроили свои корабли борт к борту и растянули их по заливу вдоль крепостных стен. Встали на якорь и начали стрелять из луков, метать камни, забрасывать на башни горящие факелы. Но башни были защищены от огня шкурами, смоченными водой. Греки сопротивлялись отчаянно. Император Мурчуфл стоял на холме, подбадривал воинов. Он снова приказал бить в барабаны и трубить в трубы. Победа защитников города казалась уже близка, но тут случай помог крестоносцам. Шальной ветер прибил к башне два их корабля, и самые смелые из латинских ратников взобрались на башню и смогли оттеснить греков. Тут же и другие корабли подошли к башням, латиняне стали проникать в город. Греки обрушились на них с мечами и секирами,

но крестоносцы были в прочных кольчугах, а бились они лучше греков, потому что война была для рыцарей главным ремеслом. К вечеру уже четверть города оказалась у них в руках. Мурчуфл бежал, прихватив с собой казну. Но часть константинопольской знати еще пыталась бороться. Они собрались в храме Святой Софии, чтобы выбрать нового императора. Там, среди них, были и родичи моего мужа.

Я же сидела с золовками на женской половине дома и, как и они, дрожала от страха и молилась.

А ночью в Константинополе начался пожар. Латиняне подожгли ту часть города, что отделяла их от греков. Запылали кварталы на побережье Золотого Рога. Наверное, в том пожаре сгорело столько домов, что хватило бы на три города у франков или немцев.

Наш дом тоже был охвачен пламенем, и мы — все, кто оставался в доме, женщины и слуги, — в отчаянии кинулись бежать к церкви Святой Софии, где надеялись найти защиту и встретить своих родичей-мужчин. На улицах уже бесчинствовали захватчики. Наступила ночь, но в отсветах пожара все было хорошо видно, и двое или трое латинских ратников заметили трех знатных горожанок и набросились на нас. Мы закричали и кинулись бежать. Я успела втолкнуть золовку-вдову, что была с ребенком, в какую-то дверь, а сама метнулась в сторону, но тут край моего покрывала схватили цепкие руки разбойника. Я быстро отстегнула покрывало и бросила его на голову латинянина. Он на мгновение запутался в длинной ткани, что позволило мне скрыться. Я нырнула в темноту под защиту каменной стены, но успела заметить, как два других разбойника схватили мою золовку-монахиню, и она страшно закричала, забилась в их руках. Я бы все равно не смогла помочь несчастной спастись от насильников, а потому побежала прочь, чтобы спасти хотя бы самое себя. С тех пор я не видела больше моих золовок и не знаю, что с ними случилось.

Сама же я, чуть живая от страха, все-таки добралась до церкви Святой Софии. Но родичей своего мужа я там не застала, да и другие греки почему-то спешно покидали храм, бежали кто куда, спасаясь и от латинян, и от пожара. Но я верила, что именно в храме надо искать защиты. Я стала молиться перед иконами, надеясь, что святые защитят храм. И впрямь огонь, охвативший многие дома и дворцы, остановился у стен Святой Софии. Но ничто не могло остановить алчных грабителей. Я услышала их крики и грубый хохот — и тут же кинулась к боковому приделу церкви, присела в углу за колонной. Оттуда я с ужасом наблюдала, как пьяные захватчики разоряют храм. Не понимая красоты и святости церковных предметов, хищные варвары готовы были разбить их и ободрать, лишь бы унести с собой побольше золота, серебра, жемчуга, слоновой кости и драгоценных камней. Они разрубали на куски алтари и делили их между собой. Скоро множество священных сосудов редкой красоты валялось на полу вместе с кусками золота и серебра, которым были обложены кафедры и амвоны. Все эти драгоценные предметы оказались тяжелы, и грабители, желая побольше увезти, ввели в притворы храма лошадей и мулов. Животные пугались блестящего пола и не хотели идти, но воины хлестали их и тащили силой. Кровь и нечистоты оскверняли священный пол храма. В разгар этого неистового грабежа кто-то из захватчиков додумался привести с улицы гулящих женщин и заставить их голыми плясать на главном престоле собора. Я сидела в углу ни жива ни мертва, зажмурил глаза, чтобы не видеть такого святотатства. Но тут один из грабителей — кажется, венецианец — заметил в боковом приделе икону в драгоценном окладе, кинулся к ней и обнаружил мое укрытие. С довольным хохотом он вытащил меня из-за колонны и стал толкать к тому месту, где плясали уличные женщины. Другой латинянин пришел ему на помощь и попытался сорвать с меня одежду.

Я закричала. И в этот страшный миг передо мною вдруг возникли горящие черные глаза молодого незнакомца, когда-то встреченного возле церкви. Он крикнул моим мучителям по-итальянски (тогда я уже немного разбирала латинские языки): «Отпустите ее, она моя!» Подбежав, он шепнул мне на ухо по-гречески: «Пойдем со мной, я спасу тебя от насильников». Юноша был одет в венецианские доспехи и по виду ничем не отличался от других грабителей, а из его заплечного мешка выглядывали горлышко драгоценного сосуда и край дорогого оклада иконы. Но я почему-то сразу же поверила ему. Да и все равно у меня не было другого выхода, и я молча протянула руку своему спасителю. Оттолкнув пьяных наглецов, он повел меня из церкви. Я так ослабела от страха и бессонницы, что шла, спотыкаясь, почти не различая дороги, а перед глазами у меня стелилась мутная пелена, в которой гасли отблески пожара. Юноша привел меня в какой-то дом, что находился в незнакомом мне квартале. Этот маленький приземистый дом был совершенно пуст: видимо, хозяева-греки в страхе покинули свое жилище или же их выгнали оттуда. Я в изнеможении опустилась на скамью и, подняв голову, встретилась глазами со своим спасителем. Видно, он прочел в моем взгляде недоверие, потому что сразу же поспешил меня успокоить:

«Не бойся, госпожа, я не из тех грабителей-венецианцев, которые вместе с французами и немцами захватили ваш город. Я генуэзец, а Генуя и Венеция давно соперничают в делах морской торговли. Я ненавижу венецианского дожа Энрико Дандоло, хищного старика, который разорил и погубил нашу семью. И я верю, что дождусь того часа, когда его проклятые кости будут брошены в выгребную яму. Поверь, я сочувствую грекам, ведь они тоже христиане, хоть и не подчиняются Папе. — Он положил на пол свой мешок и пояснил: — Эти редкие вещи я взял не из жадности, а чтобы спасти их: ведь грабители могут переплавить

священные сосуды, а иконы испортить, отодрав с них драгоценные оклады. Но я люблю все красивое и пытаюсь хоть что-нибудь уберечь».

В углу стоял огромный сундук, куда юноша и поместил свою добычу. Там уже лежали другие ценные предметы из константинопольских храмов. У меня не хватало сил чему-нибудь удивляться и о чем-то говорить. Юноша, видимо, понял это и не стал докучать расспросами, а только сказал:

«Меня зовут Микеле. По-гречески это будет Михаил. Наверное, ты голодна, поешь».

Он дал мне хлеба, сыра и разбавленного вина. Лишь увидев еду, я почувствовала, как сильно проголодалась, ведь почти трое суток в осажденном городе мне было не до еды и не до сна. Когда я утолила голод, меня тут же сморил сон, и я, не раздеваясь, упала на какой-то тюфяк, прикрытый шкурами. Заснув на рассвете, я проснулась поздним вечером, почти ночью. И обнаружила, что лежу на кровати, разутая, раздетая до рубашки и укрытая меховым плащом. Мне было очень тепло и уютно, но не от меха, а от живого тепла, которое исходило от Микеле, лежавшего рядом со мной. Возле нашего скромного ложа горела свеча, и при ее неярком свете я рассмотрела могучие обнаженные плечи молодого генуэзца. Почувствовав, как я пошевелилась, он тут же открыл глаза и, улыбнувшись, обнял меня. И я не оттолкнула его, потому что мне нравились его сильные и одновременно нежные объятия.

«Как зовут тебя, красавица? — спросил он, приблизив свои губы к моему лицу. — Ты, видно, не гречанка?»

«Елена, — ответила я, замирая от волнения. — Я родом из Руси, но была замужем за греком, теперь же овдовела».

«Елена Прекрасная... Тебе подходит это имя. У тебя такие же роскошные золотые волосы, как у возлюбленной Париса».

И правда, волосы у меня тогда были не седыми, как теперь... — Елена на мгновение прикрыла глаза, но тут же

провела рукой по лицу, словно отгоняя дурман воспоминаний. — В ту ночь я впервые в жизни поняла, для чего люди рождаются на свет женщинами и мужчинами. Я знала, что совершаю грех, что родичи и священники меня бы осудили, но мне было все равно. Не прошло и сорока дней после смерти моего мужа, а я среди бедствий войны, в чужой стране, в чужом доме отдавалась незнакомому мужчине латинской веры — и была счастлива. Так счастлива, как никогда уж после не была... Микеле я называла Михаилом, так он казался мне ближе и родней. Я знала о нем лишь то, что он мне сам рассказывал, но даже не задумывалась над тем, можно ли ему доверять. Он говорил, что происходит из благородной и зажиточной семьи, но его родичи вздумали соперничать с венецианскими купцами, близкими дожу, и за это Энрико Дандоло натравил морских разбойников на корабль господина Каффаро, отца Микеле. Погибли отец, дядя и братья Михаила. Но в Генуе остался его старший двоюродный брат, ученый человек, который писал историю города. Сам же Михаил, возмужав, отправился с несколькими верными людьми вслед за крестоносцами в Константинополь, чтобы проследить за дожем и, если удастся, отомстить за отца и братьев. Мой возлюбленный говорил мне, что только благородная месть толкала его в Константинополь, а вовсе не желание чем-то поживиться при разгроме города. Не знаю, так ли это было, но мне хотелось ему верить. И еще мне хотелось верить, что он не женат, а его добрая матушка не станет возражать против невесты-чужестранки. Он также говорил, что ему запала в душу наша первая встреча у церкви и он потом долго пытался найти незнакомую красавицу, но строгий муж больше не приводил ее в ту церковь. Микеле много рассказывал мне о латинских странах и обычаях и уверял меня, что я буду украшением его дома и всего города. Я верила каждому его слову, потому что любила. Три дня и три ночи мы были вместе. Правда, он иногда выходил, чтобы встретиться со своими людьми,

а вернувшись, каждый раз пополнял сундук новой добычей. Мне же он велел даже не выглядывать в окно, пока в городе все не утихнет. Да я и сама боялась показаться на улицу. Но на четвертый день у нас закончились съестные припасы, и Михаил сказал, что должен отлучиться, чтобы их пополнить. Мне почему-то стало страшно, я даже заплакала, не желая его отпускать. Я говорила: «Пусть твои друзья принесут нам еду, как до сих пор приносили драгоценную утварь». Но он отвечал: «Мои люди сейчас возле бухты, ищут корабль, на котором мы сможем уплыть в Геную вместе с нашим грузом. Тебе нечего бояться, я отлучусь ненадолго. Запри дверь изнутри. Но если в случае какой-нибудь крайности тебе придется выйти на улицу, запри дверь снаружи, а ключ зарой под камнем справа от входа». Я старалась сдерживать слезы, но тяжелое предчувствие меня не отпускало. Какой-то внутренний голос подсказывал мне, что я больше никогда не увижу Михаила. И вдруг он снял со своего мизинца золотое кольцо, надел его мне на средний палец и сказал: «Это кольцо — амулет. На нем написаны латинские слова “*Dum spiro spero*” — “Пока дышу — надеюсь”. Оно будет беречь тебя от беды и отчаяния». Я не хотела брать кольцо, уверяла, что Михаилу оно нужней. А он улыбнулся и заявил: «Я и без кольца никогда не теряю надежды на будущее. Одна мудрая гадалка предсказала, что я доживу до глубокой старости. И потому за меня тебе нечего бояться. А еще возьми этот кинжал — мизерикордию¹. Впрочем, я уверен, что он тебе не понадобится, но так мне будет спокойнее». Всю жизнь потом я помнила прощальный взгляд его черных глаз и улыбку, которой он хотел меня ободрить... За Михаилом захлопнулась дверь, и навсегда исчезло мое короткое женское

¹ Мизерикордия, «милосердник» — остро отточенный кинжал, которым пронзали рыцаря, сброшенного с коня, сквозь его доспехи, если он не просил пощады (*misericorde*). (*Здесь и далее примеч. авт.*)

счастье. — Елена помолчала, сглатывая подступившие слезы. — Настал вечер, а Михаил все не возвращался. Уж не помню, как я пережила ту страшную ночь без него. Конечно, маялась, не находила себе места, но выйти на улицу все не решалась. А утром услышала возле двери шаги и голоса. Окна дома были низко над землей, и я видела только ноги двух подошедших людей. Боясь, что эти люди могут заглянуть в оконце и обнаружить меня, я прильнула спиной к двери. Они и вправду заглянули; я услышала, как один сказал другому: «Видишь, там пусто. Говорю тебе, Микеле уже нет в живых, люди дожа его узнали и схватили прямо на площади». Я зажала рот, чтобы не закричать, но тут другой голос откликнулся: «Если так, то надо нам побыстрее забирать сокровища. И ключа нет на месте, придется ломать дверь». «Не сейчас, — был ответ. — Дождемся ночи, чтобы нас тут никто не заметил». Они ушли, а я осталась одна, задыхаясь от горя и проклиная себя за то, что согласилась взять магическое кольцо. Вначале я хотела кинуться вслед за друзьями Микеле, а потом решила еще подождать, надеясь на чудо. Но ожидание с каждым часом становилось все невыносимей, да и голод давал о себе знать. Когда время уже перевалило за полдень, я решилась выйти на улицу, но не в женском платье. В сундуке поверх сокровищ лежала запасная одежда Микеле, и я натянула на себя его штаны и плащ, а волосы скрутила в узел и упрятала под шапку. Конечно, все на мне болталось, но лучше было выйти на улицу в таком виде, чем в одежде знатной гречанки. Не забыла я спрятать под плащ и мизерикордию, хоть никогда раньше не держала в руках оружия. Потом я заперла дверь, зарыла ключ в условленном месте и пошла наугад, надеясь добраться до главной площади, чтобы там узнать, действительно ли вечером стражники венецианского дожа кого-то схватили.

В воздухе витал запах недавнего пожара. Страшно и печально было видеть дымящиеся руины, что остались от ве-

ликолепных домов и церквей. Захватчики, словно хищные звери, рыскали по городу и тащили все, что могли найти ценного. Несколько раз я видела, как латиняне пинками и ударами выгоняли греков из их жилищ, срывали с победенных украшения и дорогую одежду, а потом забирались в их дома, чтобы дочиста ограбить. По дороге к площади я встречала горожан, которые, собравшись группами, уходили неизвестно куда. Они все были одеты в рубища и брели, шатаясь, спотыкаясь на каждом шагу. Изнуренные, бледные, с полубезумным выражением глаз, покрасневших от бессонницы и слез, они казались призраками. Иные что-то бормотали себе под нос, иные кричали, воздевая руки к небу. На улице центрального квартала я увидела двух знатных горожан, мужа и жену, что жили от нас по соседству. Я с трудом узнала их потемневшие от горя лица. Несчастные супруги сидели на земле и рыдали над трупом своей единственной дочери. Судя по изорванной и окровавленной одежде, бедная девушка перед смертью много страдала.

Пройдя несколько шагов вперед, я едва успела увернуться от камня, упавшего сверху. Это был обломок статуи Девы Марии, которую грабители безжалостно разбили на куски. Крик ужаса вырвался у женщин, видевших такое святотатство. Греки напрасно надеялись, что крестоносцы пощадят хотя бы изваяние Богородицы.

Микеле рассказывал, что воины переплавляют медные и бронзовые статуи на монеты. И через несколько шагов мне снова пришлось в этом убедиться. Придя на площадь, я увидела, как захватчики разбивают огромную статую греческого богатыря Геракла. Горожане, ставшие свидетелями такого варварства, уже ничему не удивлялись, а застывшими от горя глазами взирали на картину всеобщего разрушения. И лишь один человек — по виду золотых дел мастер или художник — набрасывался на латинян, размахивая кулаками и восклицая: «Остановитесь, варвары! Это же творение

гениального Лисиппа!» Один из воинов с силой толкнул мастера, и тот, ударившись о стену, повалился на землю и замолчал. Кровь из разбитой головы залила ему лицо.

Потрясенная всем увиденным, я уже не чувствовала ни голода, ни усталости — ничего, кроме страха и отчаяния. И лишь кольцо Михаила, которое я повесила на шнурок и спрятала на груди, еще придавало мне силы надеяться.

До моего слуха долетел разговор двух горожан, что сидели возле полуразрушенной колоннады. Один жаловался другому: «Они били меня до тех пор, пока я не отдал им все свое имущество, даже то, которое хорошо припрятал. Видишь, Орест, сколько на мне синяков и ссадин? Все выбили из меня проклятые варвары, а дом мой почти весь сгорел. Теперь я несчастный, неимущий и не знаю, куда идти...» Его собеседник сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. В ответ на жалобы соседа он охрипшим голосом отвечал: «Феодул, сейчас я завидую тому, что ты одинок. Тебе некого было терять. Твое горе — утрата имущества, да и только. Я уже этим и не удручаюсь, мое горе во сто крат сильнее. Злодеи надругались над моей женой и похитили двух наших дочерей, а ведь младшей всего десять лет... Моя бедная жена не выдержала таких мучений и умерла, а я трое суток метался по городу, искал дочерей, но теперь у меня уже не осталось ни надежды, ни сил, ни слез...»

Я посмотрела на двух несчастных, потом обвела взглядом других греков, что в изнеможении сидели на земле или бродили по площади, как потерянные. Вряд ли кто-то из этих убитых горем людей смог бы мне рассказать о генуэзце, которого схватили стражники венецианского дожа. Однако на любой площади во время любого бедствия всегда найдутся люди, которых справедливо называют зеваками. И там я нашла таких и принялась их расспрашивать. Они рассказали мне, что, в самом деле, видели, как стражники схватили двух латинян, один из которых был молод и кра-

сив. Но, как это часто случается между зеваками, рассказчики стали противоречить друг другу. Кто-то говорил, что схваченных латинян зарубили тут же на месте, а кто-то утверждал, что их потащили в тюрьму, но зарезали по дороге. Спорщики раскричались, это привлекло внимание какого-то венецианца из свиты дожа, и он пожелал узнать, кто это так интересуется врагами господина Дандоло. Перепуганные спорщики указали ему на меня, и он тут же крикнул стражникам: «Эй вы, схватите этого подозрительного мальчишку!» Один из стражников, взглянув на меня, воскликнул: «Клянусь своей головой, это не мальчишка, а девчонка!» — и попытался сорвать с меня шапку, но я успела увернуться. В следующий миг ноги сами понесли меня прочь от опасного места. Я и не думала раньше, что умею так быстро бегать. С площади я свернула на одну из улиц, потом на другую, а за моей спиной слышались тяжелый топот и крики стражников. И быть бы мне пойманной, если бы не помог случай: я успела перебежать дорогу прямо перед большой телегой, полной награбленного латинянами добра. Проскользнув под самыми лошадиными мордами, я свернула за угол, а мои преследователи задержались перед телегой, которая застряла в яме и перегородила узкую улицу. Этих нескольких мгновений мне хватило, чтобы толкнуть первую попавшуюся калитку и оказаться во дворе. Не знаю, где в это время находились хозяева дома, но, к счастью, они меня не заметили, а во дворе был густой сад, в нем я и спряталась. Потом из этого двора я перебежала в другой, но там на меня накинулись собаки, от которых мне удалось спастись, перебравшись через забор. Наверное, будь я в юбке, а не в штанах, уйти от погони мне бы не удалось, так что переодевание мое оказалось полезным. Признаюсь, долгие годы я потом хранила тот мужской костюм как память о моем спасении и о Микеле... — Елена на минуту прервала свой рассказ, запивая отваром из трав простуду

и горечь воспоминаний. — Итак, очутившись на незнакомой улице, я должна была куда-то идти, хоть идти мне было некуда. Надежды на встречу с Михаилом у меня уже не оставалось, зато оставалась опасность снова нарваться на людей дожа. Я не знала, где искать спасения, и тут вспомнила о монастыре Святого Маманта, в котором останавливались русские купцы. Но до предместья, где был монастырь, еще надо было добраться. Спрашивать дорогу у греков или латинян я не решалась, опасаясь, что и те и другие могут распознать во мне переодетую женщину. Так и брела наугад, петляя по узким и грязным улицам окраин, к которым раньше даже не приближалась. Несколько раз в тот страшный вечер я могла бы расстаться с жизнью, но, видно, небо меня хранило, потому что только благодаря провидению мне удалось избежать и смерти, и надругательства. Дважды мне пришлось вытаскивать мизерикордию, и один раз я даже вонзила ее в какого-то пьяного разбойника, а потом с криком ужаса умчалась прочь и молилась о том, чтобы мой удар оказался не смертельным. Как христианка, я не приемлю убийства, но тогда у меня не было другого выхода. Потом я потеряла кинжал, но, к счастью, выбралась из страшных улочек за город. К тому времени уже наступили сумерки. Я увидела латинских воинов, что расположились на привале под открытым небом вокруг костра, на котором в котле варили мясо. А вместо хвороста они использовали рукописи из византийских библиотек. И вдруг раздался пронзительный крик: «Нечестивцы! Не трогайте книги! Это же сокровищницы древней мудрости, их писали великие ученые и богословы!» Оглянувшись, я увидела, что кричит старый седой монах; он гнался за воином, который тащил к костру целый ворох свитков. Монах истово увещевал и проклинал латинян, но они отмахивались и отталкивали его с пьяным хохотом, а потом один из воинов, разозлившись, замахнулся на старика. И тут я, вспомнив

о печальной участи художника, защищавшего статую Геракла, подбежала к монаху и оттащила его прочь, приговаривая: «Не надо, отче, они вас убьют». Мне удалось увести его, и воины за нами не погнались — наверное, потому, что были уже очень пьяны. Старец меня поблагодарил и спросил, кто я и откуда. По моему голосу и поведению он догадался, что я женщина, а у меня уже не было сил это отрицать. Я рассказала ему свою историю, не упомянув лишь о связи с молодым латинянином. Узнав, что я вдова, славянка родом и что ищу дорогу к монастырю Святого Маманта, монах довел меня до нужного предместья и благословил на прощание.

Несмотря на бедственное положение Константинополя, подворье русских купцов не пустовало; там еще с осени задержались несколько новгородских гостей, которые теперь собирались плыть обратно. Главным среди них был Добрыня Ядрейкович. Впоследствии этот мудрый человек принял сан и стал епископом Антонием Новгородским. При нем в новгородской летописи появилась «Повесть о взятии Царьграда фрягами¹». С новгородцами-то я и вернулась на родину. Еще по дороге домой я догадалась, что беременна. Это не пугало меня, скорее радовало, хотя мой плод был от грешной любви. Но я решила, что никогда и никому не открою своей тайны и никто не узнает, что я родила не от мужа. В Киеве меня встретили со слезами радости; мои бедные родители уже и не чаяли увидеть меня живую. Я рассказала им обо всех своих мытарствах, не упомянув лишь о встрече с Микеле. Прошло положенное время, и я родила сына. Разумеется, все думали, что он от моего несчастного Фоки. Я назвала мальчика Михаилом, и снова никто не догадался, почему я выбрала такое имя. Мои родители не могли нарадоваться на внука, но года через два

¹ Фрягами в средневековой Руси называли итальянцев и других латинян.

стали требовать, чтобы я снова вышла замуж, потому что они все чаще хворали, а мне нужна была защита. Но я и думать не могла о замужестве. Большую часть времени я проводила в церквах и монастырях, замаливая свой тайный грех. Потом родители умерли, и я вовсе переселилась в монастырь, стала послушницей. Если я и не приняла постриг, так только потому, что не хотела полностью порывать с мирской жизнью ради сына. Моим единственным желанием было видеть его счастливым. Я надеялась, что он полюбит хорошую девушку, женится, будет иметь от нее детей. Но Михаил вырос — и принял монашеский сан. Теперь я думаю, что в этом был Божий промысел. Наверное, мой сын должен был отказаться от мирской жизни, чтобы искупить мой тайный грех. А может быть, у него самого была на сердце какая-то тайна... Теперь уж мне этого не узнать...

Елена замолчала, уставившись неподвижным взглядом на огонь в очаге. Молчала и Ольга, покачивая колыбельку со спящей Дариной. Юная боярыня вспоминала иеромонаха Михаила, к которому всегда относилась с глубоким почтением. Он был старше Ольги лет на семнадцать, но казался ей пожилым — может, из-за его рано поседевшей бороды и умудренного взгляда больших черных глаз. Теперь-то, после рассказа крестной, Ольга поняла, что глаза Михаил унаследовал от своего отца — пылкого итальянца, навсегда похитившего сердце набожной Елены.

Вдруг заплакала Даринка, беспокойно заворочалась во сне. Пока Ольга ее успокаивала, Елена, обессиленная рассказом и воспоминаниями, прилегла на соломенный тюфяк в углу. Убаюкав дочку, Ольга с тревогой оглянулась на крестную, шепотом спросила ее:

— Тебе стало хуже, матушка?

— Подойди ко мне, дитя мое, я хочу еще что-то сказать, — чуть слышно ответила Елена.

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДЕВІЛЬ Александра
Перстень Дарини
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 10.08.2018. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 17,64.
Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДЕВИЛЬ Александра
Перстень Дарины

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 10.08.2018. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Юну Дарину викрали розбійники. На шляху до невільничого ринку їй пощастило втекти разом з молодим послушником Антоном, благочестивим братом підступного боярина Карпа. Зрадницька стріла обриває життя Антона, а Дарина опиняється в руках Карпа, який силою бере її за дружину. За рік Карп, який уклав союз з монголами, гине в бою з князівськими ратниками. Тепер на Дарину чекає довга і тяжка боротьба, але молода жінка не втрачає надії на довгоочікувану зустріч із коханням. І в цьому їй допомагає старовинний перстень, що належав жінкам, які бачили загибель і відродження Константинополя та Києва.

Девиль А.

Д26 Перстень Дарины / Александра Девиль. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 336 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-5392-6

Юная Дарина похищена разбойниками. По дороге к невольничьему рынку ей удается бежать вместе с молодым послушником Антоном, благочестивым братом коварного боярина Карпа. Предательская стрела обрывает жизнь Антона, а Дарина попадает в руки Карпа, который силой берет ее в жены. Через год Карп, заключивший союз с монголами, погибает в бою с княжескими ратниками. Дарине предстоит долгая и трудная борьба, но молодая женщина не теряет надежды на долгожданную встречу с любовью. И в этом ей помогает старинный перстень, который принадлежал женщинам, видевшим гибель и возрождение Константинополя и Киева.

УДК 821.161.1(477)